

А. П. ЧАПЫГИН
ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ

Публикация Н. С. Цветовой

Алексей Павлович Чапыгин (1870—1937) — один из основоположников советского исторического романа.

Литературная деятельность А. П. Чапыгина началась с увлечения русским символизмом, впоследствии он испытал воздействие М. Горького; на становление писателя оказало влияние также знакомство с В. Г. Короленко и Н. К. Михайловским.

Центральная тема раннего Чапыгина — «Человек и природа», «Охотник и дикий зверь», позволившая проявиться поэтическому дару, который высоко оценивал С. Есенин («О, Русь, взмахни крылами...»):

Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.¹

Социальные мотивы в творчестве писателя появились в 1912—1918 гг. («Белый скит», «На лебяжьих озерах»). В этот период обновление России Чапыгин видел в победе разума и знания.

В начале 20-х годов с творчеством Чапыгина, Пришвина, Тренева, Шишкова связывалось представление о «неореализме», искусстве, усвоившем новейшую философию и достижения естественных наук. Е. Замятин так определил положение старых русских писателей в первые послереволюционные годы: «...в силу своего удельного веса <они> оказались в пределах

¹ Есенин С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1977. Т. 1. С. 139.

того конуса, по какому распространяется сила взрыва, и взрывом 17-го года их разбросало во все концы. Только теперь начинают они выходить из беспечатных пустынь.» (1923).²

Метафора эта имеет самое непосредственное отношение к А. П. Чапыгину.

В общеизвестных работах, посвященных А. П. Чапыгину, трудности художественной эволюции романиста связывались главным образом с первым десятилетием XX в. Правда, В. Семенов намекнул на существование кризисных симптомов в 1918—1919 гг. Но присутствие их объяснялось естественными трудностями овладения новым жизненным материалом,³ непродолжительной творческой растерянностью, вызванной непониманием событий, происходивших в первые послеоктябрьские месяцы.⁴

Публикуемые материалы не только указывают на временные границы творческого кризиса, но и выдают его истинные причины. Тревогу писателя разделяли многие представители его поколения. Об этом свидетельствуют публикации последних лет: «Несвоевременные мысли» М. Горького, «Заключение о Русской земле» М. Волошина, «Записки мечтателя» А. Белого, дневники В. Ходасевича, И. Бабеля и др. Эти документы позволяют ощутить атмосферу эпохи, когда в спорах и борьбе, поисках и раздумьях зарождалась советская литература.

* * *

Дневниковые записи — часть архива А. П. Чапыгина, переданная в Рукописный отдел Пушкинского Дома вдовой писателя Н. М. Чапыгиной в 1939 г.

Особый интерес представляют собственноручные отрывочные записи, сделанные А. П. Чапыгиным в почтово-конторской книге в 1919 г. Эти материалы публикуются впервые без сокращений и каких-либо изменений. Правда, Б. Вальбе, автор первой монографии о Чапыгине, приводит отрывок, напоминающий заметки 27 октября 1919 г., сделанные в Харькове, но ссылается на статью Чапыгина в сборнике «О Горьком — современники»

² Замятин Е. Новая русская проза // Литературное обозрение. 1989. № 2. С. 104.

³ Семенов В. Алексей Чапыгин. М., 1974. С. 54.

⁴ См. вступительную статью Н. Тотубалина к кн.: Чапыгин А. П. Собр. соч.: В 5 т. Л., 1967. С. 5—44.

(М., 1928). Статья Чапыгина действительно здесь опубликована. Но в ней идет речь о беседах с Горьким, советом которого Чапыгин воспользовался, обратившись к исторической теме. Однако не Феодосий Печерский, рекомендованный Горьким, а безбожник Олег Святославич стал героем первого историко-драматического опыта писателя. Главное, что упомянутых материалов в статье нет. Далее эта неточность «путешествует» по другим изданиям. Истинный источник приведенного Б. Вальбе признания установить трудно, хотя по теме, тону, настроению оно близко публикуемым нами заметкам.

Большая же часть дневниковых записей А. П. Чапыгина дошла в машинописных копиях с пометами Н. М. Чапыгиной (1890—1939) — ИРЛИ, ф. 280, оп. 3, № 1 (49 листов). Это автобиографические заметки, начинающиеся с 1894 г., наброски будущих произведений 1909, 1912—1914 гг., отредактированные вдовой. Правда, судя по сохранившемуся оригиналу, правка была незначительной: исчезли некоторые повторы, значки, пометы, обращение к адресату. Публикуется в основном та часть материалов, которая проливает свет на причины творческого кризиса Чапыгина, длившегося до 1924 г., дает объемное представление о взглядах писателя, мечтах и прозрениях 1920-х годов, является добавочной характеристикой историко-литературной ситуации, сложившейся в период «великой ломки».

Записи, приводящиеся по копии, публикуются в сокращении.

ТЕТРАДЬ 1919 Г.

Скучно на чужой стороне,¹ а на далекой родине покрываются пылью мои книги, ржавеют ружья и рыжий пес безнадежно глядит на дорогу, не придет ли тот, кого он сопровождал на охоту... а тот изнывает душой от шума леса и далеко-далеко ему с чужой стороны, загроможденной окопами, пушками и заставами воинскими... А в далеком сыром и голодном городе, быть может, изнывает в бессилии другая душа, душа любимая мальчишка...

Да, дорогой мой, ты послал меня сюда и здесь я одинок, и мрачен, и бессилен, и болен. Бог весть, увидимся ли мы и скоро ли... Стихия революции и анархии бушует, и все говорят: «Либо теперь мы будем властителями, либо никогда». Борьба за власть идет не на живот, а на смерть, и мы, созерцатели прекрасного, оторваны от родины, любви и созерцания... мы можем лишь созерцать кошмары и насилие над такими же, как мы...

Власти мы не хотим и не хотели... к делу нас не зовут, и нет дела, а те, которые делают дело, они ожесточились, и нет конца этому ожесточению... И вот я здесь, в сырой холодной комнате, как в гробу, и слышу кругом плач, смех сквозь слезы... и по ночам слышу, как от холода люди ходят в глубине ночи и топят свои жилища, а мой камин на родине в моем гнезде холодеет, и не ведаю я, все ли там живо и цело... может быть, когда минет буря, и вынырну я на родную поляну и не увижу того гнезда, над которым трудился столько лет... Скучно и холодно! некому согреть мою душу теплым словом и некого поцеловать мне — где ты, мой милый, ненаглядный мальчишек!

И днем и ночью неотвязно мучит меня прошедшее. Снится мне родная деревня, и дорогие, и чужие сердцу моему, и нет, нет огня, нет впереди пути, страшно уйти в небытие, ибо небытие — хаос, а настоящее как небытие, настоящее тоже хаос, и мрак, и холод. Терпит и плачет душа моя!..

Да, мальчишек! Ты скажешь, я малодушен, я растерял свою философию — спокойно глядеть на жизнь людей. Но когда нарушена жизнь души, то все растеряно и нет иных мыслей, кроме страха перед будущим и сожаления о прошлом!

...Не может быть того, чтобы судьба или Бог, блюдущие твою тяжелую жизнь, отступились и бросили тебя в пучину потока и разграбления, голода и смерти. Крепись и верь, что настанут и теплые и радостные дни и всех, кто жив из близких тебе друзей, ты увидишь. Верь, верь!

Падает мокрый снег... Люди идут понурые, в длинных шубах...

Харьков.

Октябрь <19>19 г. 27 числа.

Крепись!

Пока лежит на столе твоём кусок полубелого хлеба черствого, пока есть кусок сахара и чашка чаю и люди, которые тебе сочувствуют, ты еще не несчастен... правда, на мерзлую землю чужого города падает снег, а у тебя легкое платье, но ты все же не раздет до гола, как многие застигнутые военным погромом. Крепись! Снег падает хлопьями, тебе представляется родина, теплая баня, жаркая печь — но, может быть, и там холодно и страшно и некуда приклонить голову, чтобы не попасть в разруху... Кто-то спасает Русь и русскую землю, а кто-то грабит и разоряет — крепись и надейся!²

Харьков.

23 октября 1919 г.

Нет ни вести, ни слуха, далеко и отделяет нас громадное пространство, занятое сплошь мстительными и вооруженными людьми.

<...> Глаза мои лишь краснеют, но нет слез, на правом бедре — ноголет прекращенная, вновь загорелась боль и рана.

Все лицемеры кричат: «Спасайте Россию!». И все спекулируют до умопомрачения, а ты сидишь больной и безвольный, как заноза, задала птица на снегу...

Погибает без родины маленький куличек, также хочется убить себя, спасает только обязательство перед мальчишкой.

Харьков.

9 ноября 1919 г.

Я жив! Да, жив и должен жить среди больных злобой людей. Вспыхивает огонь лампы, вот я вижу свою большую, пустую комнату, мрачную и холодную, а за окном вижу, как всегда в это время, во мрак погруженные громады чужого города — там люди ждут врагов <...> За окном в черных домах люди холодают и голодают — враги их, не ведая правды, наступают войной на голодный город и думают покормиться — враги тоже голодны... Люди заоченели друг к другу, и каждый, успевший отвести глаза от лица смерти, тащит в свой угол, как на пожаре, что попало, и хламом думает спастись, чтоб жить! И все эти люди напоминают мне рассказ про солдата, которому в бою оторвало ноги и часть брюха. Он сидит за камнем и из последних сил мотает и сует обратно свои кишки.

Лампа догорела. Погасла. На моем столе снова блестят два светлых пятна, теперь я слышу, как стучат часы, а в такт и часам и моему сердцу в черных домах тревожно стучат тысячи сердец людских.

8 июля 1920 г.

Льется человеческая кровь! Кругом злоба и нищета. Лишь природа неизменна — и на нее приятно и больно глядеть: она торжествует, а люди гибнут. Скоро ли прекратится эта всемирная злоба, скоро ли Русь вздохнет по-прежнему, и на лице милых моему сердцу людей я прочту хотя бы и грустную радость? Уж многих нет... Ах, и моя рука тянется к оружию — на сердце тоска и хочется разбить горячей пулей наболевшее сердце...

... Все всё прячут и боятся, а кругом всё возглавляют грубые и неумелые умы и руки — скоро ли этому конец? Я вижу сон ночью — странный сон, как будто бы железный мост с цепями и длинными железными болтами, я иду по нем и его передвигает огромный черный швейцар, и будто бы он меня знает и охотно пропустил по мосту, а за мостом толпа голодных ребят с лицами, обросшими шерстью, не обросли на их лицах только кончики синих носов — и я говорю им, что они похожи на птиц.

11 августа 1923 г.

... Механическая культура, треск и шум пропеллеров, вой сирен, вонь моторов и шумливое сверкание динамо ведут к тому, что едкими абсентами придется подживлять падающую деятельность сердца — омоложение не поможет, ожирение сердечной мышцы и неврастения будут произрастать, и вновь потребуются для оживления мира шум первобытных лесов, писк белки на суку сосны, и звон соловья, и стон кукушки. Механизм деревянит даже дерево, и дерево каменеет — как же хотят теплое сердце человека спасти и пронести через века механической культуры?

16 мая 1923 г.³

... Пока живет человечество, этот языческий бог жрет людей и научные изобретения, ибо лучшие машины выдуманы все-таки для войны. Настал тихий период — человечество торгует, изобретает и накапливает капитал — вооружается... Вообще чрезмерное богатство страны в связи с силой вооружения — опасность для соседей, имеющих шпионаж и хорошую дипломатию. Начинается война. Война стирает с лица земли библиотеки, музеи, научные труды, и мрут, как мухи, люди, могущие подвинуть прогресс человечества.

1924 год.

Природа все та же, дождь и тучи, гром и молния, и те же озера в лесу... С берегов тех озер упали хитрые отражения, неведомые до конца смертному художнику. Ах, неужели же душа моя, познавшая красоту и безобразие мира, исчезнет, как дым? Неужели одно только тело, как дом без хозяина, останется на разграбление вечным земляным разбойникам, червям? Я многое изведal в мире и многое не люблю, но есть в жизни моей то, что и за гробом буду любить: лес, травы, воду и цветы, и небо голубое, летнее небо.

7 июня 1924 г.

Голодный дурак, которому дали волю ругать талантливое произведение, сказав, что «чем злее ругань ваша, тем ценнее, но держитесь приличия, чтоб не было худа от вашей рецензии журналу». Дурак садится за стол, вертит вашу книгу, хватает слова, не заботясь и не справляясь о смысле; припомнив чужие похвалы, он хочет быть самым умным и оригинальным и ругает то, что хвалили, а так как он голоден и желудок его испорчен и собственного творчества в нем ни на грош, то чужое ему ненавистно. Этот сорг людей тот са-

мый, о которых русский народ сказал: «Где ему пахать! Ему внору бить хомутом о дорогу!». Ругает дурак так: написано «прируб», он пишет: «автора герой утонул в проруби...». Но самое большое разочарование его — это когда вместо гривенника ему платят пять копеек за строчку.

2 февраля 1925 г.

Нескончаемая борьба масс с индивидуальностью, всегда желающей массу поработить. Толпа же норовит уничтожить личность и лишь смутно понимает, что личность, индивидуальность делает историю и движет вперед науку, искусство, но личность всегда эгоистична и те индивиды, которые отрешившись от себя, шли с толпой, — погибали раньше времени, либо катастрофически (насильственно), либо сгорали нервно — таков закон жизни.

19 августа 1925 г.

Где же тот, кто может излечить человека от глупости и злобы?

* *
*

... Ничего нет обиднее и насмешливее (из случаев), когда автомобиль скорой помощи, торопясь на место происшествия, отрежет по дороге голову (случайно) проходившему поэту.

* *
*

Сухой лист, полусгнивший или оторвавшийся, — все равно как бы высоко ни поднялся — в облака ли, в воздух ли, в воду ли упал, он мертв и летать или лежать ему все равно.

Так бездарный человек: его не спасут ни связи, ни родство, ни положение, но там, куда его поставят править, будет пахнуть от всего дела плесенью и мертвецом. (О министрах 1916 г.).

* *
*

За обедом у А. Н. Толстого в 1925 году Айседора Дункан рассказывала про Сережу Есенина: «Был назначен в Нью-Йорке вечер — я танцевать, Сергей читать стихи. Я оделась в лучшее платье, очень нарядное. Сергей был пьян. Собрались банкиры и очень богатые люди, а когда мы вошли на эстраду, я села в кресло. Сергей подошел ко мне, сорвал с меня платье, разорвал от ворота до подола и, схватив с ноги моей туфлю, кинулся в партер и начал бить по головам публику. Она бежала, а он за ней и бил. Мне дорого стоило, чтоб его не посадили в тюрьму».

24 февраля 1926 г.

Высокий, гордый ростом среди полевых цветов растет дикий Иван-чай, красуется остроконечными розовыми кистями, обращенными к теплomu небу... Осень, поседел Иван-чай, пожелтели и сморщились листья, и на том месте, где был розовый цвет, — седая кисть, беспомощная, расхищаемая осенним ветром. Вон там и тут пауки стараются, от кочки к кочке провели паутину... блестит весь обвитый серебристой сетью заповед, холодно — не ходит больше скот, первые морозы убеляют землю изморозью, куют песок и дороги, ни одна муха не жужжит в воздухе и не попадает в искусную ловушку паука, а пауки голодные от отчаяния плетут сети и ждут, не ведая, что их добычу отняла осень... и зимой по избам плетут пауки спросонья и голодухи черную паутину... и ждут, жадно ждут...

А я, вспоминая прошлое, чувствую, что оно также беспорядочно мечтательное; как эти тени от листьев на занавеске моего окна.

9 июля 1935 г.

Война плодит сумасшедших. Прежние войны были войнами работы мускулов — теперешние, покончив с богатырством, обратились к мозгу и нервам — отсюда опустошенный человек. И с каждой войной опустошенных людей больше, они без принципов, без совести — их бог: цинизм и маразм.

¹ По свидетельству В. Семенова, А. Чапыгин в конце 1918 г. уезжает в Харьков и там занимается изучением биографии Феодосия Печерского.

² На этом собственноручная запись обрывается. Далее следует машинописная копия с пометами Н. М. Чапыгиной.

³ В источнике хронология записей не упорядочена.